

МЕМУАРЫ КАК ИСТОЧНИК ПО ИСТОРИИ ЧАСТНЫХ ПАНСИОНОВ В РОССИИ XVIII в.

В статье рассматриваются мемуары, содержащие сведения об обучении в частных пансионах в России XVIII в. Выявляется специфика освещения авторами процесса обучения и выделяются основные вопросы, затронутые мемуаристами: программа и методика обучения, взаимоотношения учеников и учителей, плата за обучение, бытовые условия.

Ключевые слова: Россия, XVIII в., мемуары, частные пансионы.

В России XVIII в. одним из видов частных учебных заведений стали пансионы. Государственная власть делала попытки контролировать их деятельность путем издания законодательных актов, но они слабо претворялись в жизнь, поэтому официальных документов о частных пансионах почти нет в архивах. Важнейшими источниками о них являются мемуары. Авторы, описывая свое детство, не могли обойти вниманием время обучения в пансионах, не рассказать о впечатлениях, оставшихся в памяти от пребывания в них.

Из 100 изученных нами мемуаров только в 17 мы нашли информацию о частных пансионах России XVIII в. Исключительно все авторы, упоминавшие о них, принадлежали к дворянскому сословию, что неудивительно, ведь именно для дворянских детей пансионы и открывались. Только в мемуарах А. Т. Болотова и Г. Р. Державина описывалось обучение в пансионах, действовавших в первой половине и середине XVIII в. В мемуарах остальных авторов нашел отражение период второй половины XVIII в.

Если оценивать информацию о пансионах с точки зрения географии их расположения, она не очень широка. В 6 мемуарах (А. Т. Болотова – 1749, А. Х. Эйлера и Н. Н. Мордвинова – 1760-е гг., А. С. Пищевича, Е. Ф. Комаровского – конец 1770-х гг., Вигеля – 1790-е гг.) сообщается об обучении в столичных пансионах Петербурга; в 4 (М. П. Загряжского – 1776, Я. И. де Санглена – 1780-е гг., Ф. Ф. Вигеля и А. П. Степанова – 1790-е гг. – в пансионах Москвы. В 8 мемуарах имеется информация о пансионах, действовавших в провинции: Г. Р. Державин учился пансионе Оренбурга (1749–1750-е гг.), В. С. Хвостов в 1760-х гг. учился в пансионе в одном из имений Псковской губернии, И. И. Дмитриев – в пансионах Казани и Симбирска (1770–1780-е гг.), П. П. Пекарский описал обучение родственников

в эти же годы в пансионе Уфы, В. Н. Геттун – в пансионе в с. Лобки Погарского повета в Малороссии (1781), Л. Н. Энгельгардт – в пансионе Смоленска (1778–1779). А. Т. Болотов привел сведения о пансионе в г. Богородицке (1778–1782), К. Мартенс – в Риге (1790-е гг.).

Всего в 17 рассмотренных нами мемуарах встречаются упоминания о 23 частных пансионатах страны, при этом огромная Сибирь осталась территорией *terra incognita*, ни в одном из воспоминаний о действовавших здесь пансионатах упоминаний нет.

Сведения мемуаров об обучении в пансионатах различаются по степени информативности. Много внимания уделили этому периоду детства и юности А. Т. Болотов, И. И. Дмитриев, Ф. Ф. Вигель, А. П. Степанов, Л. Н. Энгельгардт. Более сдержанно описали свое пребывание в пансионатах большинство авторов, а некоторые лишь упомянули об этом.

Самые подробные сведения о 2 частных пансионатах, действовавших в Петербурге и Богородицке, мы находим в «Записках» А. Т. Болотова (1738–1833), что неудивительно. Он – выдающаяся личность, мемуарист, философ-моралист, ученый, ботаник, агроном, писатель, автор, пожалуй, самых подробных воспоминаний, самых обширных по объему и по времени, отраженном в них. Обладая прекрасной памятью и манерой письма, Андрей Тимофеевич написал 39 частей мемуаров, построенных как серия «писем» к некоему вымышленному другу, причем основывались они на дневниковых записях, которые он вел изо дня в день на протяжении десятилетий своей жизни. Пребыванию в пансионе Петербурга он посвящает отдельное, 11-е, письмо, которое так и озаглавлено: «Жизнь в пансионе».

В предыдущем письме Болотов раскрывает причины, по которым было прервано его домашнее обучение: отец, полковник Т. П. Болотов, прибыв с полком ненадолго в столицу, должен был отбыть с полком же в Выборг, мать вынуждена была отправиться с замужней дочерью в деревню за Москву. Поэтому 10-летнего сына решили срочно устроить в пансион «учиться французскому языку», в чем помог двоюродный брат отца ротмистр Т. И. Арсеньев, проживавший в Петербурге. К выбору пансионата подошли серьезно: «Наилучшим пансионом почитался тогда в Петербурге тот, который содержал у себя кадетский учитель старик Ферре, живший подле самого кадетского корпуса, и в зданиях, принадлежавших к оному; в сей-то пансион меня и отдали» [Болотов, т. 1, стб. 104].

Итак, благодаря Болотову, мы получаем ценную информацию о пансионе, считавшемся лучшим в столице, что усиливает наш интерес к каждой детали, сообщаемой о его организации. Содержатель пансионата – учитель первого привилегированного учебного заведения России, предназначенного исключительно для детей дворян, открытого в Петербурге в 1731 г.

Располагался пансион в самом центре столицы, на Васильевском острове, более того, в зданиях самого корпуса, т. е. в помещениях дворца, принадлежавшего когда-то всесильному Меншикову. Эти факты сами по себе могли явиться одной из причин, по которой ценился этот пансион среди дворян – личность его содержателя и место расположения. В таком учебном заведении плохого учителя, по мысли обывателей, держать бы не стали, да и само здание корпуса на берегу Невы производило впечатление неизгладимое.

А. Т. Болотов проучился в этом пансионе более года и положительно отзывался о Ферре и его жене: «Учитель мой был человек старый, тихий и весьма добрый; он и жена его, такая же старушка, любили меня отменно от прочих» [Болотов, т. 1, стб. 106]. Но поскольку учитель большую часть времени проводил в Кадетском корпусе, занимался он с воспитанниками днем «двенадцатый час да в вечер еще один час». Остальные занятия вел его старший сын Александр. Основным предметом, по воспоминаниям Андрея, был французский язык. Он упоминает и о размерах платы за обучение в пансионе – за срок более года она составила чуть более 100 руб.

Болотов описывает методику обучения французскому языку, применявшуюся в этом пансионе: «Учение наше состояло наиболее в переводах с русского на французский язык Езоповых басней и газет русских; и метода сия недурна: мы через самое то спознакомливались от часу больше с французским языком, а переводя газеты, и с политическим и историческим штилем и с званиями государств и городов в свете» [Там же, стб. 107].

Примечательно, что ранее в пансионе география не преподавалась и была введена лишь по просьбе отца Болотова: «Как обещано было, чтоб выучить меня и географии, то через несколько времени принял учитель наш или пригласил какого-то немца, чтоб приходил к нам и учил нас часа два после обеда сей науке». Автор мемуаров кратко пишет и о знаниях, которые сообщал учитель: «Европейская карта, которую он одну нам только и трактовал...» Замечательно, что и эти краткие сведения приводили Андрея от географии в восторг: «Для меня была она в особенности приятна и любопытна, и пожирал... все говоренные учителем слова, и мне не было нужды два раза пересказывать... карта впечатлелась так твердо в уме моем, что я мог всю ее пересказать по пальцам». Болотов очень сожалел, что учитель «ходил к нам не очень долго, почему и учение было весьма слабое и короткое», причин, почему оно пресеклось, он не помнил [см.: Там же].

И об истории автор пишет: «сей науке в пансионе нашем не было обыкновения учить», но, по его мнению, это лучше, «нежели учить таким образом, как учат ныне в пансионах», где историю и географию велят учить «наизусть во французском языке», и ученики «ничего не понимают» [Там же, стб. 107–108].

Не преподавалось и рисование. Как пишет Болотов, ему очень хотелось учиться рисовать, первые навыки этого предмета он приобрел еще на дому, и по его настойчивой просьбе, обращенной в письме отцу, был нанят индивидуальный учитель, «живущий с нами об стенку рисовальный мастер Дангауер», к нему ученик «начал ходить и по несколько часов учиться» [Там же, стб. 109]. Примечателен сам факт – возможность обучаться дополнительному предмету у собственного учителя помимо программы пансиона.

Болотов характеризует и своих товарищей по обучению: их было человек 12–15. Некоторые находились на полном содержании, жили в пансионе, другие лишь приходили на занятия, а обедать и ночевать уходили домой. Среди полных пансионеров он называет сына полковника Нелюбохтина, двух детей секретаря Сената Голубцова, более старших по возрасту. Среди приходящих были «разные», «часто переменялись», автору запомнилась «нарочитого уже возраста девушка, дочь какой-то майорши» [Там же, стб. 105–106].

Болотов приоткрывает нам и бытовую сторону жизни в пансионе: «...каждому из нас отведена была особливая конторочка в том же покое, где мы учились, досками отгороженная» [Там же, стб. 105]. «Что касается до содержания и стола для нас, то был он обыкновенно пансионный, то есть очень, очень умеренный; наилучший и приятнейший кусок составляли булки, приносимые к нам по утрам и которыми нас каждого оделяли. Обеды же были очень, очень тощи и в самые скоромные дни, а в постные и того хуже» [Там же, стб. 106].

Ученики, видимо, имели скудные карманные деньги: «поутру либо лишнюю булочку, либо скромный прекрасный кренделек купишь и съешь, которые так нам казались вкусными, что подберешь и крошечки». Очень содержательна оговорка Болотова: «нередко же случалось, что и иногда и ложка, другая, третья хороших щей с говядиною, варимых для себя слугою моим, помогали обеду, и которые казались мне вкуснее и сытнее всякого обеда» [Там же, стб. 106]. Ясно, что дворянские дети жили в пансионе со своими слугами, и последние на деньги, выделяемые им хозяевами, родителями детей, питались гораздо лучше, чем сами дворянские отпрыски, довольствовавшиеся казенной пищей.

Мемуары Болотова – единственные, в которых имеется информация о самом процессе организации пансиона в провинциальном городе. В 1778–1797 гг. он служил управляющим имениями графа Бобринского, расположенными в Богородицком уезде Тульской губернии, и в 1778 г. должен был дать разрешение на открытие учебного заведения, а поскольку он был личностью незаурядной, то принял активное участие в этой процедуре и в мемуарах отразил процесс организации пансиона.

Инициатива открытия пансиона в Богородицке принадлежала учителю-французу Дюблюе, прибывшему из Тулы. Больше всего Андрею Тимофеевичу понравилось, что Дюблюе не только хорошо говорил по-русски, но и писал [см.: Болотов, т. 3, стб. 767]. Дюблюе «был человек тихого, веселого и дружелюбного характера, и притом еще во всем любопытный и умеющий даже играть на скрипке». Болотов подчеркивает, что образованные учителя в провинции и во второй половине XVIII в. были редкостью, а он был человеком образованным, сведущим, и его словам мы безоговорочно можем верить.

Чрезвычайно интересна информация Болотова о самом процессе открытия пансиона: оно оформлялось особым документом. Болотов заключил с Дюблюе письменный договор. Как управляющий имением, он выделил под пансион стоявший праздно казенный деревянный дом, здесь же разместились и квартира учителя. Дюблюе имел жену-датчанку, поэтому мог обучать не только детей, приходящих ежедневно из дома, но и «учеников, которые могли бы у него жить на его содержании» [Там же, стб. 768]. Такая практика, судя по мемуарам, имела широкое распространение: приходящие ученики уходили обедать домой, потом возвращались на уроки. Плата за обучение составила 500 руб. в год, т. е. была более высокой, по сравнению с Петербургом 1749 г. – сказалась инфляция второй половины XVIII в.

Болотов сообщает точную дату открытия пансиона, 8 марта 1778 г., ставшего первым в г. Богородицке, и называет некоторых его учащихся: детей г. барона Соловьева, г. Шишкова, г-жи Бакуниной, сына автора мемуаров Павла и дальнего родственника тещи Сезенева. Отмечает, что кто-то из детей ходил пешком на занятия, кого-то привозили на занятия: пансион располагался «на краю слободы городской».

А. Т. Болотов перечисляет все предметы, преподававшиеся Дюблюе. Программа обучения детей местных дворян по тем временам была довольно обширной, обучали французскому и немецкому языкам, арифметике, географии, истории и танцам. Поскольку по обычаю того времени по средам и субботам занятий после обеда в пансионе не было, то сам Болотов стал обучать детей геометрии, физике и нравоведению [см.: Там же, стб. 771–772]. Эти данные свидетельствуют об активной просветительской деятельности ученого. Он пишет и о своих впечатлениях от преподавания этих предметов: «Нельзя довольно изобразить, как сею моею услугою довольны были все отцы и матери детей сих и какою благодарностию за то почитали себя ко мне обязанными. Но мое собственное чувствуемое при том удовольствие дороже для меня было всех их искренних за то благодарений» [Там же, стб. 772]. Интересна информация о досуге пансионных детей: «По окончании наших дневных дел, едва

только наставал вечер, как и спешили все из нас собираться к тому на квартиру, у кого в тот вечер, по условию, сделанному накануне того дня, назначено было быть вечеринке. Тут вместе с нами являлись обыкновенно и все наши пансионные дети, и оба наши музыканта, учитель с своею скрипкою, а Вилиамс с своими гусями, и тотчас начиналась потеха: кто садился в ломбер, кто в реверсис (реверси – французская игра в карты, в которой выигравшим считается тот, кто проиграет. – *А. Е.*), кто в иные карточные неубыточные, а с смехами и веселыми восклицаниями сопряженные, забавные игры. Музыка наша принималась между тем за свои инструменты, а дети – за свои прыганья и танцы» [Там же, стб. 806–807]. В таких вечеринках часто участвовали родные, приятели, знакомые воспитанников, гостившие в пансионе. Представления в домашнем театре и вечеринки способствовали формированию дружеского сообщества дворян, дети которых учились в пансионе.

Болотов сообщает и о перемене учителя в 1782 г.: во время пребывания семьи Болотова в Москве Дюблное переманил «какой-то князь Волконский» к себе в дом. Преподавание в пансионе он передал своему соотечественнику старичку де Брини, «гораздо худшему учителю», автор отмечает реакцию родителей: многие из них забрали из пансиона своих детей. Болотов оставил сына, но опять же сам выступил в качестве учителя в семье. С прибытием летом 1783 г. нового учителя, немца Эйзенберга, пансион возродился: Болотов договорился об обучении сына обоим языкам, сосед Толбузин отдал двух сыновей, все трое стали жить в пансионе, а домой приезжали лишь по воскресеньям и праздникам. Такова история первого частного учебного заведения для детей дворян, действовавшего в Богородицке в 1778–1780-е гг.

В «Записках» поэта и сенатора Г. Р. Державина (1743–1816) приводится ценная информация об обучении детей в частном пансионе Оренбурга, ставшего в 1744 г. центром новой губернии. Г. Р. Державин родился в семье секунд-майора, принадлежавшего к старинному дворянскому роду. Его отдали в пансион в возрасте 7 лет для обучения немецкому языку, т. е. в 1750 г. Державин приводит годы деятельности пансиона: 1749–1754. Называет имя его содержателя и учителя – сосланного каторжника Иосифа Розе. Со слов автора, в этом пансионе учились вместе девочки и мальчики, причем «дети лучших благородных людей, в Оренбурге при должностях находящихся» [Державин, с. 8]. Ясно, что в городе, основанном в третий раз на новом месте в апреле 1743 г. И. И. Неплюевым, начальником Оренбургской комиссии, возглавившим в 1744 г. Оренбургскую губернию, трудно было найти подходящего учителя, и дворянство вынуждено было довольствоваться проявившим инициативу каторжником.

Державин негативно характеризует учителя, который «был сам невежда, не знал даже грамматических правил, а для того и упражнял только детей тверждением наизусть вокабул и разговоров и списыванием оных, его, Розы, рукою прекрасно однако писанных» [Державин, с. 8]. У Державина навсегда отложился в памяти облик жестокого и безнравственного учителя: «Сей наставник, кроме того, что нравов развращенных, жесток, наказывал своих учеников самыми мучительными, но даже и неблагопристойными штрафами, о коих рассказывать здесь было бы отвратительно» [Там же]. Правда, за четыре года, проведенных у Розе, будущий поэт научился довольно прилично читать, писать и говорить по-немецки и продолжил обучение в Казанской гимназии.

Воспоминания о частных пансионах, действовавших в Поволжье в конце XVIII в., оставил выходец из семьи среднепоместных дворян, действительный обер-прокурор Сената, член Государственного совета и министр юстиции, поэт И. И. Дмитриев (1760–1837). В его «Записках» содержится интересная информация, отражающая конкуренцию за учеников среди содержателей провинциальных пансионов. Дмитриев родился в с. Богородском Казанской губернии, в имении отца-капитана, сызранского городничего. Его мать принадлежала к известному дворянскому роду. Из «Записок» мы узнаем, что Иван получил начальное домашнее образование в имении отца в с. Богородском Симбирской губернии, а затем в 1767 г. в возрасте 7 лет был отвезен в Казань и отдан в пансион французского мещанина господина Манженя для обучения французскому языку, арифметике и рисованию. Через год из-за смерти бабушки Ивана вернули в Симбирск, родители уговорили и Манженя перевести свой пансион из Казани туда же. Симбирск на тот момент являлся центром одноименной провинции Казанской губернии, в нем, по данным третьей ревизии 1762 г., проживало 6764 чел. [см.: Масленицкий, с. 9].

Дмитриев приводит интересные сведения о том, что в это время в Симбирске уже действовал пансион бывшего французского офицера Лорансеня, поэтому в условиях небольшого города началась конкуренция между пансионами, они постоянно переманивали учеников друг у друга. «Кроткий Манжень, устав бороться с совместником, исполненным еще военного духа, закрыл свой пансион и съехал в деревню к богатому казанскому помещику Макарову, обучать его сына» в 1772 г., сообщает Дмитриев [Дмитриев, с. 12]. Получается, что в Симбирске в 1768–1772 гг. действовали два пансиона.

После закрытия пансиона Манженя Иван около года пробыл дома, а в 1774 г. вместе со старшим братом был отдан в пансион отставного поручика, воспитанника Сухопутного кадетского корпуса Ф. Ф. Кабрита в том

же Симбирске. В пансионе обучали «языкам французскому и немецкому, русскому правописанию и слогу, истории, географии и математике» [Там же, с. 13]. Это свидетельствовало о сравнительно широкой программе обучения, предлагавшейся дворянским детям.

Дмитриев положительно отзывался о 26-летнем учителе: «Кабрит был очень мил в обращении с нами: во время уроков часто давал нам отдохнуть, позволяя предлагать ему вопросы, всегда охотно отвечал на них и сообщал между тем какие-либо полезные сведения» [Там же]. По словам автора, учитель объяснял обязанности чинов, рассказывал иногда военные анекдоты и знакомил детей с выдающимися полководцами того времени. Ученики любили и слушали его. Особенно охотно юный Иван занимался историей. Обучаясь под руководством Кабрита, он стал понимать всю важность науки математики «и в три месяца успел в ней более, чем у прежнего учителя Копцева в продолжение года» [Там же], которого нанимали в качестве домашнего учителя. Но до отца Ивана дошли слухи о порочных наклонностях учителя Кабрита, и он забрал сыновей из пансиона.

В «Записках» генерал-майора Л. Н. Энгельгардта (1766–1836) содержится информация об его обучении в частном пансионе Смоленска в 1778–1779 гг. Лев Николаевич Энгельгардт родился в д. Зайцевой Духовского уезда Смоленской губернии в семье действительного статского советника, полковника Николая Богдановича. Он описал пансион Эллерта, где в 12-летнем возрасте обучался в течение года. В пансионе не применялось какой-либо специальной методики преподавания, учитель Эллерт был малообразован, и «вся учебная деятельность его состояла в сокращенном преподавании <...> катехизиса, грамматики, истории, географии, мифологии», «без малейшего их толкования».

Обучение французскому заключалось в том, что Эллерт принуждал детей «затверживать наизусть французские фразы», причем по-русски в пансионе вообще разговаривать запрещалось. Кроме того, здесь обучали танцам и фехтованию. Математику, арифметику и геометрию преподавал отставной артиллерийский сержант Осип Иванович Овсянников [см.: Энгельгардт Л. Н., с. 7].

Л. Н. Энгельгардт отмечал, что в пансионе была установлена жесткая, «совершенно военная» внутренняя дисциплина с применением жестоких телесных наказаний и четкий распорядок дня, в соответствии с которым строились взаимоотношения как между самими учениками, так и между учениками и учителями. Для того чтобы пансионеры не разговаривали на русском языке, «не шалили» и «учили наизусть» заданные уроки, Эллерт установил в пансионе строгий контроль, который осуществляли сами ученики.

Между ними были «учреждены начальники»: младшие «чиновники» с красным бантом в петлице надзирали за четырьмя учениками; старшие «чиновники» с голубым бантом надзирали за двумя младшими «чиновниками». Как вспоминает Л. Н. Энгельгардт, «младшие имели право наказывать, если кто скажет слово по-русски, одним ударом по руке ферулою, а старшие чиновники – по два удара. Если Эллерт узнавал, что сии чиновники худо исполняли свою должность или во зло употребляли власть, им данную, то наказывал их ужасным образом, а иногда лишал бантов».

Цветные банты были своеобразными знаками отличия, выдавались учителем за хорошее поведение и прилежание. Такой способ поощрения учеников, по мнению мемуариста, подталкивал учеников к новым успехам в учебе, «способствовал к нравственности, но <...> был основан на побоях» [Энгельгардт Л. Н., с. 7–8].

Эллерт бил учеников «без всякой пощады за малейшие вины ферулами из подошвенной кожи и деревянными лопатками по рукам, секал розгами и плетью, ставил на колени на три и четыре часа, – словом, совершенный был тиран». Так, автор вспоминает, что не проходило и дня, чтобы он не был наказан. Возможно, что из-за отсутствия других учебных заведений в Смоленске пансион Эллерта был очень популярен, в нем всегда было много учащихся, несмотря на применение жестких телесных наказаний.

По словам автора, обучаясь в этом пансионе, он хорошо усвоил танцевальные и фехтовальные приемы, французскую речь, а также делал успехи в изучении арифметики и геометрии под руководством учителя-россиянина – отставного сержанта О. И. Овсянникова, который «отличал» автора «перед всеми прочими». Родители Энгельгардта, среднепоместные дворяне, были «в восхищении» от результатов учебы сына в пансионе, «увидя выправленного, исправившегося от пороков, танцующего на балах, говорящего изрядно по-французски и о всех науках». Однако сам мемуарист, оценивая собственные результаты учебы, подчеркивал, что в итоге он мог разговаривать по-французски, «как попугай, ничего не понимая, и потому вскоре все забыл» [Там же, с. 8–9].

Русский историк, библиограф П. П. Пекарский в 1816 г. записал воспоминания своих родственников Николая Николаевича и Матрены Семеновны Пекарских, представителей дворянских родов, проживавших в Уфе во второй половине XVIII в. «Записки» характеризуют образование и воспитание их сыновей Петра и Семена. Автор отмечает желание старших Пекарских видеть своих детей образованными людьми: «Отец хотел, чтобы младшие его сыновья не остались неучами, а потому намеревался везти их в Казанскую гимназию. Однако матери было жаль расставаться

с детьми. Пришлось ограничиться отдачею их в ученье к одному ссыльному с рваными ноздрями, принявшему на себя в Уфе роль наставника и содержавшего нечто вроде пансиона, куда ходили учиться дворянские дети» [Пекарский, с. 90].

В воспоминаниях сообщается о программе обучения в этом уфимском пансионе в 1770–1780 гг.: «... Читали псалтырь и выписывали буквы азбуки»; характеризуется личность учителя: «уфимский педагог отличался не столько своей ученостью, сколько жестокостью», а также жадностью и безнравственностью [Там же]. Безнравственность учителя ярко отражают следующие строки: «Ученик, почему-либо опоздавший в школу, подвергался жестокому наказанию, способ избежать его – украсть по дороге петуха и впустить его перед собою в класс. Учитель, делая вид, что не видит воришки, приказывал отнести петуха на кухню. Однажды братья Пекарские не сделали этого и были жестоко наказаны учителем, так, что чуть не слегли» [Там же]. Жестокость педагога стала причиной того, что мать упростила мужа не посылать больше детей в пансион.

Писатель, педагог Е. А. Энгельгардт (1775–1862) родился в Риге в протестантской семье. Когда Егору было 5 лет, семья переехала в Петербург, отец был приглашен на должность директора генеральной экономии Лифляндии. Е. А. Энгельгардт писал о своем обучении в течение 8 лет в «девичьем пансионе» сестер Бардевигов в столице, куда был отдан родителями в 1783 г. в 8-летнем возрасте. В этом пансионе преподавали известные ученые Крафт, Шторх, Буссе. Автор делал успехи в науках, особенно в изучении иностранных языков [Энгельгардт Е. А., стб. 1463].

Писатель, енисейский губернатор Александр Петрович Степанов (1781–1837) родился в семье отставного премьер-майора, козельского городничего в родовом имении д. Зеновке Калужской губернии. В 9 лет он потерял отца. Воспитывался под руководством гувернера-итальянца, в начале 1790-х гг. был отведен в Москву и отдан в пансион известного профессора Московского университета Б. Б. Шадена, в котором обучался и будущий историк и писатель Н. М. Карамзин. Со слов автора мы узнаем, что Б. Б. Шаден сам преподавал географию, статистику, историю и немецкий язык, а его жена (немка) учила французскому языку. Учителя русского языка, математики и Закона Божьего были приглашенными. Всего в пансионе обучалось десять детей в возрасте от 9 до 10 лет.

В своих воспоминаниях автор положительно отзываясь о содержателе пансиона и учителях, пишет, что жизнь в пансионе напоминала домашнюю: «Мы не знали никакой подчиненности, любили старика как отца родного, а друг друга как братьев; ходили, гуляли, играли, резвились – все по общему согласию. Все мы были равны, разница существо-

вала только в летах, которые и вызывали разные качества. У нас не было никаких наград; но зато иногда нас ласкали, приголубливали, а наказание заключалось в холодном отношении, в хорошей нагонке и в лишении надзора за шкафом с книгами; но все это было на короткое время. Мы не знали ни ядовитых упреков и продолжительного гнева, ничего такого, что на долгое время расстраивает детскую веселость и ожесточает характер. В обидах или ссорах суд и расправа были под рукой: все прекращалось пред лицом профессора извинением перед обиженным и братскими искренними поцелуями. Интриг и сплетен мы не знали, и потому все действия наши были свободны и открыты». «Главными предметами разговоров профессора были: правосудие, бескорыстие, любовь к отечеству, трудолюбие» [Степанов, с. 18–19].

Автор подробно описывает пансионный быт, часы обучения предметам, особенно выделяет уроки, проводимые профессором: «Поутру каждый со своим маленьким столиком, книгами, тетрадами, со всеми ученическими припасами входил в зал и располагался, где хотел; а после чаю принимался за ученье. Уроки, в которых не нужно было никаких объяснений, прослушивала профессорша по утрам, когда супруг ее уезжал в университет. Утром же приходили в назначенные часы другие учителя. Обед представлял всегда трапезу семейную с громкою молитвою до и после обеда. В четыре часа начинались собственные классы профессора. О, как любили мы собираться вокруг него, когда он, в больших своих креслах, в пестром халате и зеленом тафтяном колпаке, положи ноги на скамейку, рассказывал о разнообразных произведениях природы или событиях мира (я только говорю о том, что понимал)» [Там же].

Особое впечатление на юного Александра произвело книжное собрание профессора, и он не только описал его, но и привел интересную информацию о пользовании этими книгами, остановился на значении чтения книг в жизни учеников: «Библиотека Богдана Богдановича помещалась в трех комнатах и занимала все стены снизу доверху. Она была одна из лучших частных библиотек, принимая в соображение выбор книг. Кроме того, что она вмещала всех классических авторов: латинских, греческих, французских, немецких и русских, в ней находилось множество книг или отличных своим изданием, или древностью. Шкафы имели свои номера, и каждый из нас имел свое отделение, а как они были без стекол и рам, то наша должность состояла в том, чтоб обметать с них пыль всякую субботу после обеда. За то мы имели право пользоваться чтением, когда хотели, не спрашивая особенного дозволения; но из чужого шкафа не могли иначе брать, как с согласия того, кто им заведовал.

В моем шкафу были всевозможные лексиконы и словари: исторические, географические, ботанические, физические и пр., и я любил чрезвычайно делать выписки из них в особую тетрадь. В комнатах читали вслух обыкновенно по-немецки, по-французски и по-русски, стихами и прозой, творения лучших авторов. Телемах, Нума Помпилий, Генриада запечатлелись в душе моей» [Степанов, с. 18–22].

Память автора сохранила и случай побега одного ученика, который был пойман полицией в 10 верстах от Москвы. Беглец, наказанный «рукою самого профессора», еще долго рассказывал чудеса о своем путешествии. Это, пожалуй, единственное упоминание о наказании в воспоминаниях А. П. Степанова. Автор сообщает причину, почему ему пришлось покинуть столь нравившийся ему пансион. Однажды он заболел, и родственники отца, бравшие его по воскресеньям, заметили, что он не умеет говорить по-французски, доложили об этом и родителям, что и стало причиной перевода ученика в пансион при Московском университете.

Практику обучения в столичных пансионах, содержащихся французами, иллюстрируют «Записки» писателя, литератора Ф. Ф. Вигеля (1786–1856). Он родился в с. Симбухово Пензенской губернии в семье тайного советника. В 1790-е гг. обучался в пансионе госпожи Форсевиль в Москве. Автор ярко рисует ее образ: «Тогда она была женщина лет сорока пяти, высокая, полная, белая, которая задыхалась от здоровья, которой щеки алели всегда от удовольствия, когда не багровели от гнева. Она деспотически управляла вверенными ей ребяташками» [Вигель, с. 25].

Вигель характеризует и роль месье Форсевила в пансионе: «Заведение находилось под его фирмой, но в нем почти ни во что он не мешался. Он мало выходил из своей каморки, прозванной кабинетом разве только потому, что в ней находился маленький шкаф с двумя дюжинами каких-то книг, прозванный библиотекой. Тут не было ни письменного столика, ни даже чернильницы, а одни станки да пилы, буравы, все принадлежности токарной и столярной работы: все было засорено стружками и опилками, и все обличало присутствие более мастерового, чем грамотного человека».

Вигель особо останавливается и на его личных отношениях с Форсевилем, на его способности к обучению: «На природном языке говорил он как простолюдин, зато уверял, что весьма хорошо знает английский, и взялся два раза в неделю учить меня оному. Недостаток ли в его знании или в моих способностях был причиною, что я никаких успехов не сделал. Он был совершенный сморчок, старичишка добрый, по крайней мере для меня; доверенность его ко мне до того простиралась, что из учеников я только один имел вход в так называемый кабинет его, где таинственно предавался он своим занятиям. Он долго жил в Англии и всегда предпочи-

тал ее своему отечеству; теперь я уверен, что он там был ремесленником» [Вигель, с. 25–26].

В пансионе девочки и мальчики иногда обучались вместе, при этом девочки жили в отдельной половине. По замечанию автора, госпожа Форсевиль обходилась с воспитанницами более строго: «...От взгляда ее, от одного движения губ бедняжки приходили в ужас. Более всех тирански преследовала она бедную четырнадцати- или пятнадцатилетнюю французенку, дочь какого-то приятеля, которая училась у нее даром, а за то употреблялась для разных домашних упражнений без платы; расцветающие прелести были ее виною в глазах отцветшей мадамы» [Там же, с. 26].

Воспоминания Ф. Ф. Вигеля рисуют яркую картину взаимоотношений мальчиков и девочек в пансионе. Так, он однажды написал любовную записку и передал ее одной из девочек во время урока танцев, об этом узнала госпожа Форсевиль. Виновных решили отчислить из пансиона: «И приговор исполнили в тот же день; меня отослали к родным, но, как шурин адъютанта главнокомандующего, я на другой же день воротился с письменным уведомлением, что дома строго был наказан. Наказание мое состояло в грустных, нежных упреках сестры; зять же мой расхохотался, называя меня молодцом. Чрез три дня явилась и бедная Лаборд, но с тех пор я не смел уже подходить к ней, а она на меня даже и глаз не подымала» [Там же, с. 27].

Автор не просто негативно оценивает результат своего обучения в пансионе, он пытается обобщить сведения, которыми располагает, выразить общее мнение о значении частных пансионов как вида учебных заведений в России в конце XVIII в.: «Главный вопрос, который должен был сделать всякий и который могу я сам себе сделать: да чему же мы там учились? Бог знает; помнится, всему, только элементарно. Эти иностранные пансионы, коих тогда в Москве считалось до двадцати, были хуже, чем народные школы, от которых отличались только тем, что в них преподавались иностранные языки. Учители ходили из сих школ давать нам уроки, которые всегда спешили они кончить; один только немецкий учитель, некто Гильфердинг, был похож на что-нибудь. Он один только брал на себя труд рассуждать с нами и толковать нам правила грамматики; другие же рассеянно выслушивали заданное и вытверженное учениками, которые все забывали тотчас после классов. Мы были настоящее училище попугаев. Догадливые родители недолго оставляли тут детей, а отдавали их потом в пансион университетский» [Там же, с. 24–27].

Итак, Вигель приводит данные о числе частных пансионов в Москве в 1790-е гг., около 20, сравнивает их с действующими народными училищами и отдает преимущество последним, полагая, что пансионы отличались в лучшую сторону от них лишь преподаванием иностранных языков,

что и привлекало в них дворян. Подчеркивает и такую особенность пансионеров Москвы: учителя приходили в них давать уроки из тех же народных школ, под которыми имелись в виду народные училища, открытые в годы правления Екатерины II.

Некоторые авторы вспоминают время обучения в частных пансионах мимолетно и отрывочно, не заостряя на этом внимания. Так, сенатор, писатель В. С. Хвостов (1756–1832) упоминает, что в 1760-е гг. учился три года вместе с братьями и сыновьями соседей в пансионе одного француза в одном из имений Псковской губернии [см.: Хвостов, стб. 553]. Офицер А. С. Пишчевич (1764–1820) в своих воспоминаниях пишет, что примерно в 1777 г. был отдан отцом, генерал-майором, прибывшим из Сербии в 1752 г., на обучение в лучший в те годы Петербургский пансион, содержанием которого был учитель Инженерного кадетского корпуса Массон. При этом Пишчевичу позволено было ходить на уроки в классы к кадетам, где он продолжил обучение французскому, и учился «немецкому, математике, рисовать, географии, истории, танцевать и музыке. Отец мой требовал, чтобы я во всех науках был совершенен» [Пишчевич, с. 13]. Вполне вероятно, что особенность этого (одного из лучших) пансиона и заключалась в том, что его пансионеры проживали и питались в нем, но при этом им давалась возможность быть проходящими учениками Инженерного корпуса.

В этом же пансионе примерно в то же время учился будущий генерал-адъютант граф Е. Ф. Комаровский (1769–1843). Он был отдан сначала «в лучший тогда в Петербурге пансион г-на Девильнева», после его смерти «перевели меня в пансион г-жи Ленк, потом к г-ну Масону» [Комаровский].

Секунд-майор М. П. Загряжский, отец которого вышел в отставку в том же звании, написал, что в 1776 г., т. е. в возрасте 6–7 лет, его привезли из деревни Калужской губернии в Москву и отдали в пансион г-на Утгова, который был расположен в Немецкой слободе, где он проучился около полугода. Он ярко описал лишь один эпизод из жизни в пансионе, врезавшийся ему в память, – это первое в жизни понесенное наказание за смех с товарищами в ночной спальне. Трех учеников поутру высекли, а на автора «надели розгу на веревочке через плечо и поставили в угол», из-за чего он долго плакал, «несмотря на увещания товарищей» [Загряжский, с. 85].

Действительный статский советник В. Н. Геттун в 1781 г. учился в пансионе киевского студента Михаила Савича Барлуя, из его записок мы узнаем, что в пансионе учились только читать и писать 30 учеников, «но даже начальных правил арифметики не преподавали» [Геттун, с. 28].

Единственной женщиной среди авторов мемуаров была Н. Н. Мордвинова (1794–1882). Свои «Записки» она посвятила отцу графу, адмира-

лу Н. С. Мордвинову (1754–1845). Первоначально он обучался дома, а в 1750–1760-х гг. брал уроки французского языка в пансионе итальянца Вентурини в Петербурге, который посещали дети знатных русских дворян. Н. Н. Мордвинова пишет об этом следующее: «Отец мой был очень любознателен с самого детства и часто делал учителям разные вопросы, а они, не умея растолковать их, удовлетворяли его линейкой по рукам. Много ли можно было приобрести познаний от таких учителей!» [Мордвинова, с. 394].

Итак, в мемуарах мы можем найти ценную информацию об учителях – содержателях пансионов, составе учеников, оплате за обучение, программе и методике преподавания, взаимоотношениях учителей и учеников, отношении детей к самому процессу обучения. Состав и объем этой информации в мемуарах различен, отдельные авторы отражают все эти стороны функционирования пансионов, другие затрагивают их частично, в некоторых воспоминаниях информация приводится в двух-трех предложениях. Но в целом комплексное изучение мемуаров в качестве источников позволяет воссоздать общую картину деятельности пансионов в России XVIII в. как особого вида частных учебных заведений, предназначенных для детей дворян.

Болотов А. Т. Жизнь и приключения Андрея Болотова, описанные им самим для своих потомков, 1738–1793. СПб., 1870. Т. 1.

Болотов А. Т. Жизнь и приключения Андрея Болотова, описанные им самим для своих потомков, 1738–1793. СПб., 1872. Т. 3.

Вигель Ф. Ф. Записки. М., 2000 [Электронный ресурс] / Некоммерческая электронная библиотека «ImWerde». URL: http://imwerden.de/pdf/vigel_zapiski.pdf (дата обращения: 15.02.2016).

Геттун В. Н. Записки собственно для моих детей // Ист. вестн. 1880. Т. 1, № 1. С. 26–67.

Державин Г. Р. Записки, 1743–1812. М., 1860.

Дмитриев И. И. Взгляд на мою жизнь. Записки действительного тайного советника И. И. Дмитриева. М., 1866.

Загряжский М. П. Записки (1770–1811). М. ; СПб., 1993.

Комаровский Е. Ф. Записки графа Е. Ф. Комаровского. М., 1990 // Российский мемуарий [Электронный ресурс]. URL: <http://elcocheingles.com/Memories/Texts/Komarovsky/Komar-1.htm> (дата обращения: 15.02.2016).

Масленицкий Т. Г. Топографическое описание симбирского наместничества. 1780 г. // Информационный портал Ульяновского областного отделения Российского географического общества [Электронный ресурс]. URL: http://ulrgo.ru/region/elibrary/books/Maslenitskiy_T.G._Topograficheskoe_opisanie_Simbirskogo_namestnichestva_1780_g.pdf (дата обращения: 15.02.2016).

Мордвинова Н. Н. Воспоминания об адмирале Николае Семеновиче Мордвинове и о семействе его. Записки его дочери // Записки русских женщин XVIII – первой половины XIX века. М., 1990.

Пекарский П. П. Известие об уфимских дворянах Пекарских // Памятная книжка Уфимской губернии. Уфа, 1873.

Пишчевич А. С. Жизнь Пишчевича, им самим описанная, 1764–1805. Ч. 1–3 // Чтения в обществе истории и древностей российских. 1885. Кн. 1, отд. 1. С. 1–112.

Степанов А. П. Страничка из истории воспитания в России конца прошлого века // Русская школа. 1891. № 1. С. 9–28.

Хвостов В. С. Записки // Рус. арх. 1870. Кн. 1, вып. 3. Стб. 551–610.

Энгельгардт Е. А. Воспоминания о директоре Царскосельского лицея Егоре Антоновиче Энгельгардте // Рус. арх. 1872. № 7. Стб. 1462–1491.

Энгельгардт Л. Н. Записки. М., 1867.